

УДК 821.111-31
ББК 84(Вел)-44
3-58

Andrew Zurcher
TWELVE NIGHTS

*Original English language edition first published
by Penguin Books Ltd, London.*

Печатается с разрешения издательства *Penguin Books Ltd.*

Зерчер, Эндрю.

3-58 Двенадцать ночей: [роман] / Эндрю Зерчер; пер.
с англ. Леонида Мотылева — Москва: Издательство
АСТ, 2019. — 512 с. — (Золотой компас).

ISBN 978-5-17-109079-1

В Рождество отец Кэй задержался на работе допоздна — как обычно. Устав от ожидания, мама Кэй сажает дочек в машину и едет за ним. Однако от привратника одного из колледжей старого университета, в котором отец занимается научными исследованиями, они узнают, что все давно разъехались. Да и вообще, по словам привратника, в колледже нет сотрудника с таким именем. Когда они, обескураженные, возвращаются домой, Кэй находит визитную карточку на своей подушке. Карточку, полученную от загадочных существ. *Переместителей.*

**УДК 821.111-31
ББК 84(Вел)-44**

ISBN 978-5-17-109079-1

Text copyright © Andrew Zurcher, 2018
Illustrations copyright © Manuel Sumberac
© Л. Мотылев, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Моим детям —
Ифе, Уне и Имону*

Сердце, взмой! Подхватит ветер...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОСНОВА

1

Перемещения

Солнце село без шести минут четыре. Кэй, вытянувшись на полу, читала последнюю страницу газеты — шрифт был очень мелкий. Правый глаз она крепко зажмурила; левый устал безумно, длинные приспущенные ресницы туманили взор, и крохотные слова маячили сквозь пелену. Все чаще ей приходилось закрывать и левый, давая отдых щеке. Все чаще она, наклоня голову вправо, поглядывала искоса на окружающий мир. Но если игра и досаждала ей, она давала вместе с тем и ощущение скромного торжества: с того момента, как она сегодня проснулась — ровно восемь часов назад по ее часам, — она не поддавалась искушению смотреть на жизнь прямо. Спроси ее кто-нибудь, почему у нее сейчас, в сочельник, в четыре тринадцать пополудни, когда мама уже вне себя, а младшая сестра Элоиза играет в задней комнате сама с собой в джекс — в шестиконечные объемные звездочки, — правый глаз по-прежнему

зажмурен, она не знала бы, что ответить. Ей попросту необходимо было сегодня держать его закрытым — и она держала.

Напротив ее головы стояло, прислоненное к стене, большое зеркало в металлической раме. Папа еще три месяца назад пообещал повесить его над камином, но оно так и пылилось тут, заброшенное. Кэй с любопытством рассматривала свое отражение в тусклом стекле. В школе учителя без конца твердили про характер, про собственное лицо: иметь его, обретать, показывать и, самое главное, творить. Кэй была убеждена, что у нее никакого лица нет, по крайней мере никакого видимого. Ее никто по-настоящему не замечал.

Папа все еще был на работе — пропадал там, как пропадал каждый день на этой неделе и в каждые выходные в этом месяце. И не только в этом, но и весь год: то он в лаборатории, то в своем кабинете, то уезжал на две недели на раскопки, то сидел в библиотеке, то участвовал в совещаниях — уследить не было никакой возможности. Сегодня после завтрака мама энергично, яростно вытерла столы и пообещала девочкам поездку на велосипедах и поход в кино. Но солнце уже зашло, а их зимние пальто так и лежали у двери, где они их кинули вчера вечером, сапожки так и стояли там же. Кэй услышала телефонный звонок — не папа ли? Видимо, придет поздно, как всегда.

Едва она начала задремывать под тихое похрустывание газеты, на которой лежала ее голова, как в гостиную, стуча, точно молотками, подо-

швами шлепанцев по деревянному полу, ворвалась мама.

— Так, Кэй, надевай пальто, мы выходим. И сестре скажи, пусть одевается.

Пять минут спустя на заднем сиденье машины, пуская изо рта пар в морозный воздух и нервно хихикая, девочки все еще не имели понятия, куда они едут и зачем. Но по мере того, как двигатель, переключаемый с передачи на передачу, равномерными рывками набирал обороты, их нервозность уменьшалась. Кэй все еще чувствовала маленькую теплую боль в том месте ладони, где сестра только что ее сжимала. Кэй положила эту руку себе на колени. Тьма снаружи казалась резкой и ясной, свет, большей частью белый, из окон домов, которые они проезжали, был прямым, интенсивным. Но окно машины рядом с Кэй затуманивалось от ее дыхания. Она недовольно перемещала лицо вдоль стекла, наклонялась, тянула шею — без толку. Машина тряско миновала какой-то светофор, затем двинулась по плавной дуге вниз по склону; Элл тем временем елозила ногой по полу.

— Элоиза, прекрати, — сказала мама. — Нам ехать пару минут всего.

— Но у меня что-то в сапоге. Мешает.

Кэй снова повернулась к окну. Она считала круги от фонарей на земле, посеребренной морозом прошлой ночи. Левый глаз, похоже, начал чудить от усталости — или, может быть, это обычное дело, когда глядишь одним глазом, оптика такая? — так или иначе, в центре каждого светлого пятна она явственно видела небольшую

ть, тоже круглую. А может быть, просто следы ее дыхания еще не сошли со стекла? Ее подмывало открыть второй глаз для проверки — но если, подумала она, темные кружки после этого исчезнут, что это докажет? Что они там есть или что их нет? Порой, если смотришь на звезду прямо, она не видна, а отведешь взгляд — и она появляется. А звезды точно существуют. Иначе люди не загадывали бы по ним желаний.

И тут она в один миг поняла, куда они едут и почему мама не отвечала на вопросы. Машина замедлила ход и остановилась у знакомых ворот. Кэй напряглась на сиденье, по спине в его уютной, обитой тканью впадине пробежал холодок. Эл, со своей стороны, была явно разочарована. «Не хочу к папе на работу», — заскулила она и для большей угрюмой выразительности стукнула неудобным сапогом по спинке переднего сиденья.

За окошком у ворот сидел ночной дежурный — старый, степенного вида человек, узловатый и жесткий, как связка поленьев, с широкой сутуловатой спиной и белыми, подкрученными верх усами над квадратным подбородком. Кэй никогда его раньше не видела, но, когда он тяжело поднялся со стула, узнала белую рубашку, черные брюки и жилет университетских привратников. Ворота открылись, и он показал движением руки, что они могут проехать к парковочной площадке, но затем, ковыляя, вышел из своей тускло освещенной комнатки, спустился по ступенькам и двинулся за машиной. Он, казалось, угадал, где именно они припаркуются: Кэй заметила, что он направлялся

прямо к тому месту, где мама, обогнув несколько парковочных ячеек и дав задний ход, в итоге поставила машину. Он перемещался по-старчески неспешно, но подошел ровно в тот момент, когда они открывали двери. Голос у него был тихий — не грубый и не лающий, как чаще всего бывает у здешних привратников. Может быть, подумала Кэй, он перед дежурством где-нибудь праздновал Рождество. После рождественских празднований люди как-то мягче всегда.

— Чем я могу вам помочь? — спросил он маму Кэй. Голос был будто фланель — плотный, легкий и теплый, и на Кэй он подействовал как добрая протянутая рука. Однако руки привратник держал в карманах, пальцы медленно перебирали там монетки или еще что-то.

Мама Кэй тем временем вытаскивала Элл с детского сиденья, а затем рассеянно взяла в руки ее темно-красный сапожок. По возрасту и особенно по росту Элл была уже слишком большая для детского сиденья, но, когда ей исполнилось восемь, она весь вечер лила слезы, и Кэй с мамой потом тщательно восстанавливали в комнатах — и даже в машине — старое и привычное.

Мама встряхнула сапожок, и на асфальт упала шестиконечная звездочка из набора; мама подняла ее и положила в протянутую ладошку Элл.

— Ничем, благодарю вас, — сказала она привратнику. — Я приехала забрать мужа. Он засиделся, заработался.

— Боюсь, все разъехались по домам, миссис... — Дежурный умолк, и Кэй увидела, как он

выгнул кустистую левую бровь, ожидая, что ее мама назовет себя.

— Клэр. — *Потому что она не взяла папину фамилию*, подумала Кэй. *Она не «миссис такая-то».* — Клэр Тойна.

— Поверьте, миссис Тойна, я не сказки вам рассказываю. Боюсь, повторяю, что все разъехались. Здесь только две машины: моя и старого профессора Джексона, он умер в прошлый вторник, упокой Господи его душу; я обошел все корпуса, всюду запер, все закрыто, как положено, свет погашен, и даже мышка не проберется.

Легонько притронувшись к маминой руке, Кэй почувствовала, что ее рука напряжена.

— Я вам верю, — сказала мама, — но он отправился сегодня на работу, это совершенно точно, поэтому мне все равно надо пойти и посмотреть.

— Как, вы сказали, его фамилия? Д'Ос?

Голос привратника звучал мягко, но настойчиво — чем-то он напоминал воркование лесного голубя. Старик переминался на скованных ногах для равновесия. На мгновение Кэй показалось, что левый ус у него чуть приподнялся в улыбке, но затем она передумала. Или, может быть, улыбка пропала.

— Д'Ос. Доктор Д'Ос. Имя — Эдвард. Он научный сотрудник в Сент-Николас. Д'Ос. Занимается проектом «Фрагменты».

— На проекты, честно говоря, у меня памяти нет, — сказал старик. — Одни открываются, другие закрываются... Но людей-то в голове держу, и доктора Д'Оса что-то не припоминаю. — Он

коротко вдохнул воздух, поднял ладони к лицу и сильно подул на кончики пальцев, пытаясь их согреть. — Впрочем, я тут кто? Всего-навсего ночной дежурный.

— Нет, вы наверняка его видели, — возразила мама Кэй. — Он тут почти каждый вечер. И ночами сидит.

Привратник сказал ей, что у него в комнате есть телефон и список сотрудников, так что он может позвонить ее мужу в кабинет и тем самым сэкономить ей время. Она запротестовала было, но он уже повернулся и, прихрамывая, двинулся обратно в сторожку. Чуть постояв, они потянулись следом. Кэй взяла маму за руку, мамина ладонь была холодная, но что в этом странного посреди зимы? Они стали ждать у входа в крохотную сторожку — по сути это была застроенная ниша между двумя выступами старого археологического корпуса: кирпичная стенка, односкатная крыша, приятное круглое окошко. К стеклу были приклеены серебряные звездочки, и Эл, показав на них, стала рассказывать, какую рождественскую карточку она сделала в школе с такими же звездочками и с блестками. Она повторила одно и то же три или четыре раза, но никто не отозвался, а потом наконец в дверях сторожки показался привратник. Кэй попыталась взъерошить сестренке волосы, но они были туго заглажены назад — лед, да и только.

— Боюсь, нет его в моем списке, доктора Д’Оса, — сказал привратник. — И в университет-

ском списке тоже нет. Эдвард Д'Ос, так вы сказали? Я хорошо посмотрел.

Мама Кэй тяжело вздохнула и, оставив девочек, вошла в сторожку. Они притихли под окном, но до них доносились только невнятные обрывки разговора. Над парковочной площадкой, где было тихо и почти пусто, возвышалось несколько голых деревьев — совсем юных, четырех- или пятилетних, высаженных через равные промежутки вдоль двух проездов между рядами парковочных мест. Раньше, припомнилось Кэй, тут росла трава, но теперь почти все было заасфальтировано. Ветви деревьев поблескивали под яркими прожекторами на крыше археологического корпуса. Питт — так называлось это здание в честь деятеля прошлых лет. Кэй зажмурила и левый глаз, погружая себя во тьму, и в порядке компенсации крепче стиснула руку Элл.

Когда дверь снова открылась, приглушенные голоса вдруг стали громкими, гулкими в пустоте двора. Клэр Тойна продолжала протестовать:

— ...не понимаю. Вы говорите, список новый, но мой муж точно здесь. Он не один год тут работает. Могу вам показать его комнату.

Кэй слышно было, как привратник берет свое кольцо с ключами, закрывает дверь и спускается с мамой по ступенькам сторожки к парковочной площадке. Глаза Кэй по-прежнему были закрыты, и, может быть, поэтому она так ясно слышала в замкнутом дворе одиночное отчетливое эхо. При каждом мамином шаге раздавался скрип инея на булыжнике или плитах.